

Человек изобрел воспринимая звезду, как идеальную формулировку,
при этом ощущая себя её единственными обладателем. Иначе бы стал он
дарить её любящей. Пунной ночью, сюда у костра в пещере, или на
летний вер

ту, сани
ария, нас
это он
потому, и

Макс Вивер

т видны
стально
и велико,
такая
жизнь до

Одиннадцать коротких историй

Да лишь -
своей кисть
в ночь, как

сказать
бо, да и
б. Да и да

или? Сейчас можно подарить звезду официально. Вы же все видите
сертификат, это, и пример: третья звезда созвездия изданы,
которого известно и можно отправить, и с трудом можно-то
отсюда спутник «Хаббл», носит ваш имя. Да, это можно приятно,
но это всё же так. Ну, и это с того, что теперь она носит ваш имя.

Это только будущее. И не забудьте, что после до этой звезды
добьются люди, то он, сюда у себя в личном кабинете, будет
сказать, что находится у звезды «Еривой Екаторина
Ивановича» или ещё кого-либо. Для него это будет всеобщая
звезда может иметь миллион летература тысяч словот формула
шестая.

Конечно, можно ещё возмнить себя «звездой». Что все, например, так
не велики, как «Глубокой шестит», или «отца бы «милый карлик». И
вы настолько ария и материями, что вы поплачутся миллионы, но
добьются спуститься с небес на землю. Я был всю испанию
звезда падает и скрывает, и самолично как, или себе

А теперь откройте глаза, возьмите за руку любящую или любящую и

Макс Вивер

Одиннадцать коротких историй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55159624

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-06240-5

Аннотация

Когда мне было восемь, я решил, что хочу писать рассказы. И уже тогда понял, что меня интересуют не столько действия персонажа, сколько те чувства, которые он испытывает. Чувства восторга от «полёта» над замёрзшим прудом. Чувства от осознания, что ты кому-то небезразличен, или страха, когда ты первый раз влюбилась, и это всем сразу станет очевидно. Мы взрослеем и узнаём о настоящей любви, когда мир озаряется новыми красками. А также об одиночестве и потере, непонимании как жить дальше без близких людей. И, конечно же, о чувстве юмора, даже если шутишь с самой смертью.

Это книга коротких историй о чувствах.

Содержание

От автора	4
Коньки	6
Когда	10
В ухо дам	12
От сладкого бывают прыщи	15
Солнце	19
К звёздам	22
Танец	25
Дневник	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Макс Вивер

Одиннадцать

коротких историй

От автора

Давным-давно, в далёкой-далёкой... Нет, эта история не из этой книги.

Когда мне было восемь, я решил, что хочу писать рассказы. И первые мои рассказы были о жизни и приключениях кузнечика Пики. Возможно, они тоже когда-нибудь будут опубликованы. И уже тогда я понял, что меня интересуют не столько действия персонажа, сколько те чувства, которые он испытывает.

Чувство восторга от «полёта» над замёрзшим прудом. Чувство счастья от осознания, что ты кому-то небезразличен, или страха, когда ты в первый раз влюбился, что это всем сразу станет очевидно.

Мы взрослеем и узнаём о настоящей любви, когда мир озаряется новыми красками. А так же об одиночестве и потере, непонимании как жить дальше без близких людей. И, конечно же, о чувстве юмора, даже если шутишь с самой смертью.

Эта книга коротких историй о чувствах.

Приятного прочтения!

Макс Вивер

Коньки

Не знаю почему, но иногда, без всякой причины, у людей всплывают, как диафильмы, картины из далёкого детства. Иногда мы им радуемся, а иногда наоборот, и вот думаешь: зачем я об этом вспомнил?

В моём детстве было много событий, которые оставили след, отложились в моей голове и периодически дают о себе знать. Есть среди этих воспоминаний, как грустные, так и весёлые. Но одним воспоминанием я дорожу больше всего: о дне, когда я впервые встал на коньки.

Мне тогда только исполнилось шесть лет.

– Самое время, чтоб научиться кататься, – сказала бабушка, вручая в подарок мои первые коньки. Тогда они казались мне пределом совершенства. Хромированное лезвие блестело и сверкало, словно зеркало, и я даже видел в отражении свой искажённый нос. Грубо, но прочно сшитые коричневые ботинки пахли чем-то неизвестно новым. Я думаю, не надо говорить, что я был на седьмом небе от счастья. Мир перестал существовать, меня больше ничего не интересовало, и я, не выпуская коньки из рук, мечтал, как я буду кататься.

На следующие утро мы с бабушкой пошли чистить лёд на озере возле дома. Озеро – это, конечно громко сказано, скорее это была большая лужа, летом от которой несло какой-то гнилью. Но в тот день это для меня было самое настоящее

замёрзшее озеро.

Чистить лёд оказалось очень утомительным занятием. Если первые несколько минут эта работа шла с детским задором и энтузиазмом, то последующие для меня уже казались мукой. Я начинал капризничать и говорить, что уже можно кататься, что места много, на что бабушка мне отвечала: «Ну, давай вот ещё чуть-чуть, чтоб было, как на настоящем катке». Но её терпения на мои капризы хватило ненадолго. Наконец перед моими глазами предстал каток, и для меня он был произведением искусства, так как я его сделал сам. Мне он тогда даже не казался маленьким, хотя и был всего несколько квадратных метров.

Процедура надевания коньков была словно коронация. Я сидел на маленьком складном стульчике, заботливо принесённом бабушкой специально для этой цели, а она, согнувшись, вязала замысловатые узлы, обматывая мою голень в несколько оборотов шнурками. А потом поставила на лёд.

И вот я стою, глядя куда-то вдаль, и воображаю себя могучим завоевателем.

– Бабуль, а как дальше?..

Я действительно не знал, да и не задумывался до этого момента, как мне кататься.

– Как на лыжах, Мишенька! Помнишь, ты на них катался прошлой зимой? Делай ножки ёлочкой.

Про прошлогодние лыжи я, конечно же, не помнил, но родной, тёплый, скрипучий голос бабушки, которая стояла в полуметре у меня за спиной, убедил меня, что всё же ка-

тался.

И я поехал! Сделал шаг, второй, и мир передо мною закружился. Небо вдруг очутилось внизу, лёд наверху, и наоборот, а потом приземление. Упасть на льду оказалось не так страшно, это же не асфальт, зато не на шутку испугалась бабушка. Она подбежала, схватила меня и начала трясти:

– Мишенька! С тобой всё в порядке?! Ножке не больно? А ручке?

А я заливался смехом, смехом счастья и восхищения. И сквозь этот смех с трудом выговорил:

– Баб, ты видела, как я летел?! Как настоящий самолёт!

Бабушка посмотрела на меня весёлыми глазами, прижала к себе, и закачала, как младенца.

– Видела, Мишенька, видела, – шептала она.

Прошло много лет. Бабушка умерла. Я вырос, у меня появилась семья, дети, для которых теперь я учитель, первооткрыватель этого удивительного и многообразного мира. Но из моей головы не стирается тот день. День, когда я впервые встал на коньки и под чутким присмотром бабушки совершил свой первый полёт. Ведь я летел, как самолёт!

10 декабря 2009 г.

Когда

Когда летний зной конца июня достиг своего максимума, а солнце, соответственно, было в зените.

Когда на международной арене было затишье, если не считать вновь разгоравшегося Палестина – Израильского конфликта.

Когда Света Егорова счастливая бежала по ступенькам школы, сдав свой последний экзамен «на пять», в предвкушении золотой медали и возможности отметить окончание школы вечером с подругами заранее припасённой бутылкой красного вина.

Когда Аристарх Иванович злился и ворчал на свой старенький приёмник, работающий только в УКВ – диапазоне, за то, что тот постоянно трещит и сбивает волну. А Мария Георгиевна «дулась» на него за то, что он уделяет время только этому «гробу» и совсем забыл про неё.

Когда продавец кондитерских изделий гастронома в угловом доме при пересчёте денег в кассе не досчиталась двух рублей сорока трёх копеек, глотала валерьянку, боясь, что теперь её посадят, не догадываясь, что эти деньги можно просто доложить.

Ира Терентьева четырёх лет поцеловала Дениса Полянского пяти лет, потому что поняла: он ей нравится больше, чем его же ровесник Коля Махов, который нравился ей ещё

вчера. После чего сильно покраснела и убежала домой.
22 ноября 2012 г.

В ухо дам

«Если он ещё раз так скажет, то я ему в ухо дам!»

Света испуганно посмотрела на Колю. Она испугалась не самой угрозы, а именно слов. Слов, которые говорили о многом. Слов, в которых говорилось о её защите.

Коля и Света дружили уже много лет. Их родители дружили, и поэтому они с раннего детства играли вместе. Они росли в одном дворе, ходили в один детский сад, а потом в один класс в школе.

Но только с этой осени, перейдя в пятый класс, они стали ходить в школу вместе. Они не договаривались об этом заранее, просто вышло всё как-то само собой. Коля ждал её каждое утро у подъезда, а она его после уроков, так как он вечно телился, собираясь домой. Находясь вдвоём, они могли без остановки говорить совершенно на разные темы, перебивая друг друга, или, наоборот, идти, не проронив ни слова, но им от этого не становилось скучно, им просто было хорошо.

Вокруг набирала силу осень, начались затяжные дожди, но даже это не доставляло никаких отрицательных эмоций. Они просто ещё плотнее прижимались под зонтом, и от этого становилось теплее.

После слов Коли всё сразу как-то изменилось. Первые минуты Света себя ругала за то, что она рассказала, что её брат Лёшка дразнит её и считает малявкой. Но потом она откры-

ла для себя что-то невиданное, что бывает с другими, но ещё никогда не происходило с ней. Нет, её это не испугало и не расстроило, даже наоборот, где-то внутри стало очень тепло. Она поняла, что может быть не только другом, но и девушкой. И не страшно, что сам Коля пока этого не осознал.

Коля заметил только то, что Света вдруг стала какой-то серьёзной. Он не понимал, как его слова вызвали такую перемену в настроении Светы. Он её ещё никогда такой не видел.

Они, молча, дошли до её подъезда. И только тут Света повернулась и как-то по-новому посмотрела на Колю. Она смотрела всего мгновение, потом приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щёку. Оба залились «краской». Света, не поднимая глаз, сказала чуть еле слышно: «Спасибо», и счастливая побежала по ступенькам домой. Коля хотел спросить: «За что?», но не успел и просто стоял, смотрел на окна Светиной квартиры и потирал щёку.

09 мая 2010 г.

От сладкого бывают прыщи

– От сладкого бывают прыщи.

Наверное, с этих слов началась моя жизнь.

Нет, конечно, до этого я уже существовала 13 лет. И думала, что живу. Радовалась каким-то детским радостям и достижениям, но это, как я поняла позже, было всё не жизнь, а подготовка к ней.

– От сладкого бывают прыщи.

Да, и вообще, как он додумался сказать такое девочке, у которой всюду идёт переходный возраст, и лицо уже покрыто ужасными прыщами. Неужели он не понимал, что этими словами может сделать больно. Или просто травмировать мою неокрепшую психику? Наверное, не понимал!

Арсений Викторович, для меня просто дядя Сеня, был коллегой и по совместительству другом моего отца, которого я видела с пелёнок. Конечно же, с моих пелёнок. Но для меня он начал существовать именно тогда – в мои прыщавые 13 лет.

Кто были его родители, я не знала, я о них даже никогда не слышала, но, возможно они были странными людьми, раз назвали в наше время сына таким необычным именем. Но о том, что его зовут именно так, я узнала, уже достаточно взрослым ребёнком. И меня это очень поразило. АР-СЕ-НИЙ! Повторяла я по слогам. Для меня он всегда был дядя

Сеня, наверно потому, что он был Сеней для моего отца.

«АР-СЕ-НИЙ.» – повторяла я это имя, и влюблялась ещё сильнее. Когда-то в детстве, в до пубертатный период своего существования мне кто-то сказал, что любовь – это когда ты имя мужчины начинаешь подставлять, как отчество своим будущим детям. Но, когда я уже любила имя Арсений, я поняла, что это не так. Меня даже в жар бросало, от того, как будут ломать язык люди, выговаривая Арсеньевич, или ещё ужасней Арсеньевна.

– От сладкого бываю прыщи.

Это было летом. Он просто приехал к нам на дачу на выходные. Они с отцом любили посидеть где-нибудь под старой урючиной¹ и просто поговорить. Говорили они в основном о работе. И слышать эту инженерскую тягомотину было невыносимо. Я ничего не понимала. Да и зачем в выходные говорить о работе, от которой отдыхаешь. Но они с упорным постоянством занимались именно этим.

Признаться честно, я никогда особо не любила сладостей. Ни конфеты, ни шоколад не вызывали во мне бурю восторга, но в тот день меня просто пробило на него. Я то и дело подбегала к столу, чтоб стащить очередную порцию сладостей. Поглощала их с невероятной скоростью и отправлялась за новой.

– От сладкого бывают прыщи.

Меня словно облили водой из ведра. Я стояла и смотре-

¹ Дерево абрикоса

ла на человека, давно знакомого, но, как будто, впервые увиденного. Он был выше среднего роста, худощавого телосложения, с тёмно-русыми волосами и большими залысинами. Но самое главное – это его улыбка! Настолько тёплой и доброй улыбки я до этого никогда не видела. Она внушала доверие, силу и надёжность. В это самое мгновения я поняла, что это тот человек, о котором я только и могу теперь мечтать. Человек, с которым я готова на всё. Как я тогда была наивна...

– Ну, и пусть! – Ответила я, и побежала на улицу в страхе, что кто-то сейчас увидит, что я влюбилась.

3 – 4 июля 2011 г.

Солнце

Солнце! Почему оно сегодня такое яркое, тёплое? Какое-то необыкновенное. Хотя вчера оно с утра точно также светило в моё окно. Может, потому, что всё ближе лето, или потому, что вчера мне мама застелила чистую постель? Да нет, оно светит как-то по-новому. Я уже четырнадцать раз видел лето, а сколько раз я спал на свежестыренных простынях и не сосчитать, но раньше я никогда не видел такого Солнца.

Или это что-то со мной? Со мной, а солнце здесь совсем ни при чём? Может это просто я переменялся. А иначе как же объяснить, что я вижу новое солнце? Даже больше, я вижу совершенно новое небесно-голубое небо. Да! Да! Именно небесно-голубое! И этот старый клён под окном! О, Боже, как же я его люблю! И не только его. Я люблю это солнце, это настолько родное мне небо. И эту подушку, что у меня под головой, которая со вчерашнего дня пахнет «Тайдом», я тоже безумно люблю. Да, и Ершову!.. Нет, Таньку я не люблю. Как можно её любить?! У неё же прыщи по всему лицу. И эти дурацкие косички, которые ей заплели ещё, наверное, в детском саду и с тех пор не расплетали. Не-е-е, Таньку я точно не люблю. Но сегодня утром и она мне очень нравится.

Может, я сошёл с ума? Ведь бывает же так, что жил человек, жил, а потом проснулся однажды утром и совсем сума-

шедший. И толпы врачей потом дают ему всякие пилюли, ставят капельницы, а ему хоть бы хны, улыбается и всё. Ну, я же не улыбаюсь. Хотя сейчас, может, и улыбаюсь, но это к делу не относится. Нет, я точно не сумасшедший. Иначе я бы этого тогда не знал, и даже подумать не мог, что у меня съехала крыша.

О! я понял! Я просто вырос. Повзрослел за одну ночь. И теперь я не мальчик, я мужчина! Ох, как приятно это понимать.

Так, стоп, а сколько сейчас время? Семь пятнадцать. А чего это я проснулся в такую рань? Я же болею, по крайней мере, для Марьи Ивановны.

С этой прекрасной мыслью он повернулся набок, накрылся одеялом с головой, и с осознанием того, что он теперь мужчина, уснул детским, глубоким сном.

25 октября 2009 г.

К звёздам

Вы все, наверное, умеете мечтать, фантазировать, представлять. Так вот закройте глаза. Представьте ночь, тёплую летнюю ночь. Вы где-то далеко от города, от его шума, мелькания не всегда приятных лиц и уличного освещения. Вокруг тишина, которую нарушает разве только стрекотание сверчков. Воздух наполнен запахом воды и свежести от реки или озера, находящегося неподалёку. Вы поднимаете голову вверх и видите сияющее небо. Сияющее миллиардами маленьких огоньков. Звёзды!

Вы никогда не задавались вопросом, а для чего... нет, нет, не так... для кого они светят?

Тут, конечно, можно обратиться к науке, учёным. Обложиться пыльными фоллиантами, от которых получите лишь аллергию. Перечитать собрания сочинений и библиотеки о происхождении и существовании в веках целой плеяды светил. И в скольких миллионах лет они от нас находятся, и какие имеют классы.

Изучив всё от корки до корки и почерпнув при этом, я уверен, немало полезной и познавательной информации, вы не ответите на заданный вами вопрос. Хотя ответ очень прост. Они светят для Вас.

Именно так! Они светят, чтобы вы могли выйти летней ночью, посмотреть на небо и подумать, а может даже сказать

или даже закричать: «Боже! Как же красиво!»

И ведь этим мыслям и словам не одна тысяча лет.

Человек издревле воспринимал звёзды, как недостижимую драгоценность, при этом ощущая себя её единственным обладателем. Иначе бы стал он дарить её любимой? Лунной ночью, сидя у костра в пещере, или на летней веранде, или в палатке в лесу он говорил любимой: «Вот видишь ту, самую яркую звезду? Она твоя, так как она светит настолько ярко, насколько сильны мои чувства к тебе». И абсолютно неважно, что она уже давно сгорела, а светит до сих пор так ярко только потому, что находилась очень далеко, и её свет до сих пор доходит до земли, и будет ещё идти не одну сотню лет.

Да, лень – двигатель прогресса. И толстосуму уже никак не уговорить свою капризную подругу ехать за город, чтоб плясать на небо, да ещё в ночь, которую лучше провести в каком-нибудь крутом клубе. Да и зачем? Сейчас можно подарить звезду официально. Вам даже выдадут сертификат, что, к примеру: третья звезда созвездия название которого известно не многим астрономам, и с трудом когда-то отыскал спутник «Хаббл», носит ваше имя. Да, это конечно приятно, но это всё не то. Ну, и что с того, что теперь она носит ваше имя. Это только бумажка. И не думайте, что когда до этой звезды доберётся человек, то он, сидя у себя в космическом корабле, будет говорить, что находится у звезды «Ершовой Екатерины Иннокентьевны» или ещё кого-либо. Для него это будет всего-навсего звезда номер шесть миллионов

четыреста тысяч семьсот двадцать шестая.

Конечно, можно ещё возомнить себя «звездой». Что вы, например, так же велики, как «Голубой гигант», или хотя бы «жёлтый карлик». И вы настолько ярки и неотразимы, что вам поклоняются миллионы, но давайте спустимся с небес на землю. Я вам хочу напомнить, что звёзды падают и сгорают, и самозванные чаще, чем небесные.

А теперь откройте глаза, возьмите за руку любимую или любимого и ведите его на улицу. Пусть там даже проливной дождь, он вам не помешает найти ту единственную звезду, которой вы сможете одарить самого дорогого вам человека.

Да, да, постойте, не убегайте, чуть не забыл вам сказать: только не дарите ту, самую яркую, так как она уже забронирована за мной, для моей любимой.

27 сентября 2009г.

Танец

Я смотрел на неё и удивлялся, почему она одна, это же парный танец? Может она просто пьяна? Но её чувство музыки, движения быстро разубедили меня в этом.

Сидя за столиком в дальнем углу, я наблюдал за ней и не мог оторваться. Сколько же там было жизни, желания, изыска. Не знаю, видела ли она своего партнёра во время танца, но она без сомнения желала его, чувствовала рядом с собой.

Её танец говорил то о любви, страстной любви, то о расставании и потере, за которой появлялась дикая жажда вернуть эту любовь себе.

Я не мог оторвать взгляда от этой девушки. Она завораживала и пленяла.

И тут музыка закончилась, девушка остановилась, замерла на мгновение, подняла глаза. Как я в это время желал, чтоб мы встретились глазами. Она оглядела полутёмный зал ресторана, смущённо улыбнулась и, разведя руки в стороны, печально сказала: «Всё». Развернулась, и слегка сутулясь, пошла к выходу.

Я бросился за ней, стараясь не потерять из виду, но всё же не успел. Когда я выбежал на улицу, в лицо ударил холодный ночной воздух, по дороге с шумом неслись автомобили, а тротуары были пусты. Я не успел...

Девушка ещё долго стояла за углом здания, тяжело дышала и смотрела в ночное небо с полной луной.

16 апреля 2011 г.

Дневник

Дорогой дядя Володя в день вашего рождения я дарю вам этот дневник, для того, что бы каждый день вашей многогранной, и, я думаю, интересной жизни был запечатлён в нём.

Искренне любящая Вас Лизонька.

Без даты.

И для чего мне эта тетрадь. Я никогда в своей жизни не писал дневников и не собираюсь этого делать сейчас. Но самое главное, чтоб этого не узнала Лиза.

В. Г.

1 июня.

Как я не люблю такие дни! Лето, вечер и нечем заняться. Все куда-то разъехались, а идти куда-то одному совершенно не хочется.

Единственное занятие, которое я нашёл это залезть в эту тетрадь, только не зная как начать. Ведь я никогда не писал дневников. Поэтому если что извините.

Нет, я схожу с ума. Перед кем я извиняюсь? Маловероятно, что эту писанину кто-то прочтёт.

Ну, с чего?

Я, Гладков Владимир Георгиевич (наверно так), родился

двадцать второго апреля тысяча девятьсот шестьдесят третьего года в небольшом провинциальном городишке. Жил в довольно зажиточной семье, но тогда думал, что так жили все.

Родители мои работали в Центральной больнице города. Причём отец там много лет был Главврачом. Из этого можно сделать вывод, что доходы семьи не ограничивались только зарплатой. Хотя и об этом узнал довольно взрослым. Вообще меня мало интересовали доходы семьи. Я всегда был на своей волне.

Учился в обыкновенной, ничем не примечательной средней школе. Учился по-разному, не скажу, что был каким-то ботаником, но учёбе отдавал немало времени и предпочтения мои были направлены на точные науки.

Вообще с самого детства, не знаю почему, я мечтал удрать со столь ненавистного мне города. Не то чтобы в нём были какие-то недостатки, думаю даже наоборот. Наверное, мне просто хотелось какой-то иллюзорной независимости. Пределом моих мечтаний была Москва. Забегая вперёд, скажу, что впоследствии я до неё добрался, но свободы мне это не принесло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.